

рассказывая о сотворении мира, Аввакум использовал некоторые его стихи. В сочинении 1676 г., поучая «чад», «что есть тайна христианская и как жити в вере Христове», он дал толкование основной теме псалма, «возвеличишася дела твоя, господи, вся премудростью сотворил еси», считая любовь к богу первой заповедью христианина, а восхищение божественной «премудростью» прочным основанием этой любви. И, наконец, в специальном послании (1678—1679 гг.) Аввакум истолковал весь 103-й псалом. Вниманию Аввакума именно к 103-му псалму, вероятно, способствовало и то, что этот псалом был одним из пунктов расхождения старообрядцев с официальной церковью. Споры велись по обрядовому вопросу, о том, как следует петь в церкви (103-й псалом ежедневно пелся в начале вечерни), но, очевидно, что и само понимание псалма волновало старообрядцев, упрекавших «никониан» за недостаточное торжественное его исполнение.²⁵

При изучении Послания нужно решить вопрос, отличается ли толкование Аввакума от традиционных толкований 103-го псалма.

Из святоотеческих толкований на Руси с XI—XII вв. была распространена толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому.²⁶ Ее символические и мистические образы как нельзя лучше отвечали религиозному средневековому сознанию. Толкование 103-го псалма Давида «о мирстем бытии», посвященного устройству «земного круга», было разработано в этой псалтыри в духе обычных символических образов христианской литературы: трава, растущая «на службу человеком», — это «книги и дары духовныя, ими же питается человек на ниве крещения»; хлеб — «тело Христово», горы — «дохматы пророческие», жаждущие «онагри» — «языки... неразумно работавше», «великое и пространное» море — «житейское, еже поистине велико и широко», а корабли — «церкви, яко в пучине житейстей плавающе, в них же спасаются вернии». Прозвучал в толковании и такой мотив христианской средневековой литературы, как мотив смирения бедных, ищущих помощи у богатых. 17-й стих псалма («Ту птицы угнездятся») объясняется так: «высоких человеколюбец смирения и убозии людие ко богатым прибегающе».²⁷

Была известна на Руси и толковая псалтырь Феодорита Кирского, включающая древних толковников Симмаха и Акилу, но распространена она была очень мало, в рукописях встречается редко. Символических объяснений 103-го псалма у Феодорита почти нет, основная мысль, проходящая через все толкование, — все устроено «человеком на потребу». Стих о деревьях, где «птицы огнездятся», для Феодорита означает совсем другое, чем для Афанасия: «также же бо дресева иную потребу человеком дают, иную же птицам: человеком на строение хлевинам ключима суть, птицам же сама суть жилища».²⁸ Тот же смысл вкладывает он и в толкование стиха 11: «Все божия промышленья, еже не точию человеком по-

²⁵ В «Соловецком сказании» (ГПБ, собр. Н. М. Михайловского, Q.173, л. 47 об.) так пишется об этом: «Егда глаголются псалмы „Благослови, душе моя, господи“, и в то время дякону указано стоять отвратясь от божия лица, лицом на запад. И то они напечатали самое не богоугодное дело, гаче же и сопротивно, понеже вместо еже бы ему купно со псалмопевцом стояху на восток и, зря на образ божий, благословити и хвалити господи за вся благая его, еже к нам воздаяния, а он в то время и от того образа божия к западу отвратится и яко отрицатель божия милости показуется. А прежде сего того не бывало».

²⁶ Н. П. Вишняков. О происхождении Псалтыри. СПб., 1875, стр. 8; А. Горский и К. Невострев. Описание старяных рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 1. М., 1857, стр. 69.

²⁷ Толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому (ГПБ, Q.I.40, лл. 337—341).

²⁸ Толковая псалтырь Феодорита Кирского (ГПБ, Q.I.37, л. 159).